

ЯЗЫК В ЯЗЫКЕ

(Несколько наблюдений над полиглотизмом в *Мастере и Маргарите*)

1. РУССКОЯЗЫЧИЕ ВОЛАНДА. Будучи безальтернативной естественной формой существования литературного произведения конкретный этнический язык не становится никакой внутритекстовой структурной категорией. Для этого необходимы некие дополнительные условия - либо особое, ориентированное на многоязычие, состояние культуры (т.е., контекста), либо полиглотизм внутритекстовый.<sup>1</sup> В последнем случае в пределах произведения должен был бы появляться по крайней мере еще один какой-нибудь язык, и если не из этнических, то хотя бы из иных невербальных систем коммуникации. Так, отсутствие этнического иноязычия в *Мастере и Маргарите* нейтрализует признак русскоязычия романа,<sup>2</sup> а наличие других форм общения (жестовых или мимических) создает всего лишь оппозицию "словесный-внесловесный" (но никак не "русский - не-русский").

Казалось бы, что иностранность Воланда и несколько раз упоминаемые свойства его русской речи должны бы вводить в мир произведения и категорию этноязычия, и в первую очередь - русскоязычия, тем временем однако эта категория тут же снимается (434: "О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, - ответил профессор".<sup>3</sup>), что уравнивает русский с любым иным этническим языком (ср. еще на с. 553 замечание о знании пяти или шести языков, "кроме родного", Мастером) и поддерживает всего лишь признак образованности, незаурядности или необычности Воланда.<sup>4</sup> Аналогичная картина имеет место и в случае акцента - он то приписывается речи Воланда, то снимается с нее, вследствие чего Воланд русскоязычен и одновременно иностранен только тогда, когда говорит с акцентом, в случае же исчезновения акцента его русскоязычие и иностранность теряют отмеченность и не способны стать активной структурной категорией.<sup>5</sup> Но заметим, что это этнолингвистическое безразличие, имея за свой фон этнолингвистическую же отмеченность под видом упоминаний об акценте, - явление в т о - р и ч н о е и потому именно оно получает статус не рядового значимого признака, а признака с фундаментальной - семиотической - нагрузкой.

Наличие акцента в речи, выдавая определенную информацию о говорящем (либо помимо его воли, либо намеренно преподносимую слушателю), имеет и другие, более существенные, свойства. Во-первых, он задерживает внимание слушателя на самой речи, отвлекает от содержания, делает ее менее прозрачной для содержания. Во-вторых, на первый план он выдвигает конкретную этническую языковую систему (благодаря возмущающей ее другой, параллельной, этнической языковой системе) - с акцентом нельзя "говорить вообще", с акцентом можно говорить только на конкретном языке слушателя.<sup>6</sup>

Поэтому исчезновение акцента в речи Воланда на время рассказа истории о Понтии Пилате (435) снимает с рассказа "русско-(этно)язычие" и если эта история Пилата и рассказана, то рассказана она не столько на русском, сколько на языке вообще, с одной стороны, а с другой - делает этот рассказ прозрачным для содержания, т.е. выключает его план выражения. В результате история Пилата не столько рассказана, сколько сообщена при помощи какой-то более универсальной, лишенной плана выражения, коммуникативной системы.

О том, что именно такой коммуникативный статус истории о Пилате предполагался Булгаковым, однозначно свидетельствует различие Иваном-слушателем речи и видения (т.е. , разных систем коммуникации или даже языка и действительности), отправителя и получателя сообщения вплоть до автокоммуникации под видом сновидения , внутритекстового времени и времени акта коммуникации (459):

"-Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич, - сказал профессор.

Поэт провел рукой по лицу, как человек, только что очнувшийся, и увидел, что на Патриарших вечер.

[...]

'Как же это я не заметил, что он успел сплести целый рассказ?.. - подумал Бездомный в изумлении, - ведь вот уже и вечер! А может, это и не он рассказывал, а просто я заснул и все это мне приснилось?'".

Универсальность языка Воланда манифестируется в романе и еще иначе: тождественностью этого языка как плана выражения с действительностью как планом содержания. Когда Воланд начинает

свой рассказ о Понтии Пилате, акцент с его речи уже снят, но еще сохранен его, так сказать, голос или точнее - субъект речи. Композиционно же глава "Понтий Пилат" является самостоятельным текстом, с собственным началом, лишенным субъекта речи, и, что наиболее существенно - Воландова голоса: "Все просто: я белом плаще..." (435) - так начал Воланд, но сама глава, совпадая со словами Воланда, начинается уже без комментарно-адресующей рамки: "В белом плаще с кровавым подбоем ... " (435) и так вплоть до финальной фразы "Было около десяти часов утра" (458). После нее, но уже в очередной главе, адресованность речи и субъект речи или Воландов голос снова возобновляются (459): "- Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич, - сказал профессор", а акцент появится еще позже (459): "- О нет! Это может кто подтвердить! - начиная говорить ломаным языком, чрезвычайно уверенно ответил профессор и неожиданно таинственно поманил обоих приятелей к себе поближе".<sup>7</sup>

В пределах таких рамок глава "Понтий Пилат" удваивается - она и внеязыковая действительность (история), и рассказ на некоем универсальном языке Воланда. Акцентные же рамки дополнительно удваивают и язык Воланда, расцепляя его на универсальную и частную коммуникативные системы: возобновление акцента уже после сообщения истории о Пилате знаменует собой переход в мир именно частных, дифференцированных, коммуникативных систем.

II. МНОГОЯЗЫЧИЕ ПИЛАТА. В главе "Понтий Пилат" и подследственный Иешуа и Пилат говорят на трех разных языках: арамейском, греческом и латинском. Переходы с языка на язык всякий раз оговариваются здесь почти с излишней тщательностью, но нигде особо не мотивируются.<sup>8</sup>

Явное и подразумеваемое этническое многоязычие характерно также и для всего окружения Пилата: секретарь, понимающий весь трехязычный допрос; Марк Крысбой, знающий латынь и говорящий, хотя и скверно, по-арамейски; и, наконец, разноразнонациональный Ершалаим. Но тем не менее название и смена языков соотносены только с Пилатом и, косвенно, с Иешуа: Мена инициируется именно Пилатом и адресуется именно Иешуа,<sup>9</sup> а наиболее показательно то, что прежде чем перейти на другой язык. Пилат предварительно спрашивает Иешуа о знании данного языка (см. выдержки в примеч. 8). Отсутствие каких-либо указаний на мотивацию этого языкового перебора-

опроса заставляет усматривать в нем попытку определения границ языковой компетенции Иешуа, с одной стороны, а с другой – поиск более адекватного, чем частные этнические разновидности, общего с Иешуа языка.

В самом деле: первое столкновение Пилата с Иешуа показано со стороны сильного языкового конфликта, хотя оба они говорят на одном и том же этническом языке – по-арамейски (436-437). Употребленное Иешуа по отношению к Пилату обращение "Добрый человек" ему нежелательно и стало причиной жестокого наказания Иешуа. Пилата, как выясняется, следует называть "игемон". Поначалу может показаться, что здесь произошло всего лишь нарушение этикета. Несколько позже Пилат проявляет, однако, известную заинтересованность выражением Иешуа "добрый человек" и даже вводит его, хотя цитатно и иронически, в собственную речь (444). Не этноязык и не один этикет разъединяют, таким образом, Иешуа и Пилата, а нечто более фундаментальное – понятийные системы.<sup>10</sup>

Разбираемая сцена допроса многоязычна не только в этническом смысле. По отношению к Иешуа Пилат применяет и другие – внеязыковые – системы коммуникации. Первая (по ходу повествования) – система телесного наказания. Крысобою поручается не и з б и т ь Иешуа, а именно о б ь я с н и т ь ему, как разговаривать с Пилатом.<sup>11</sup> Иначе говоря, Крысобою играет здесь роль своеобразного переводчика Пилата на язык побоев и учителя "правильному" языку (по-видимому, он не случайно рафинированно ударил бичом, но "заговорил гнусаво, плохо выговаривая арамейские слова" – 437).<sup>12</sup>

Вторая – наиболее развитая – система паралингвистической коммуникации: темп речи,<sup>13</sup> жесты и взгляды,<sup>14</sup> намеки и суггестии.<sup>15</sup> Более того: и в данном случае Пилат удостоверяется, знает ли этот "язык" Иешуа (ср. на стр. 442 смежность вопросов: "ты, может быть, знаешь и латинский язык?" и "Как ты узнал, что я хотел позвать собаку?"), и лишь после этого включает свою систему намеков. Иешуа, без сомнения, ее отлично понимает – он безошибочно "читает" произвольные жесты и движение губ Пилата (см. выдержку в примеч. 8), – но он не пользуется ею, она ему чужда.

Во время всего допроса Пилат раздвоен. Сначала даже в физическом смысле: он страдает от гемикрании, "при которой болит полголова" (436), смотрит одним глазом (см. примеч. 8). Потом, обретая некоторую подвижность и физическую целостность (смотрит,

например, уже обоими глазами - 440), постепенно раздвигается духовно: разговаривает с Иешуа, но сосредоточен в мыслях на себе и на собственной судьбе. Это его состояние отражается и на раздвоенности коммуникативных систем: одни поддерживают разговор с Иешуа (лингвистические), другие же произвольно выражают его внутреннее состояние (экстралингвистические жесты, движение губ). При этом первые чисто формальны, что манифестируется хотя бы немотивированной меной языков, а вторые содержательны, даже физически неотделимы от Пилата, на этом уровне он сам есть некий своеобразный язык. В коммуникативном смысле Пилат, таким образом, неоднороден - он распадается на отчуждаемые и неотчуждаемые системы-языки. При этом хотя последние, неотчуждаемые, иногда и одерживают верх над отчуждаемыми и прорываются в вербализованную сферу,<sup>16</sup> они все-таки находятся в подчинении у отчуждаемых. С точки зрения Пилата отчуждаемые языки важнее..

III. ЯЗЫК ИЕШУА. В противовес Пилату Иешуа целостен как на вербальном, так и на поведенческом уровнях,<sup>17</sup> и полностью тождественен своим языкам (а точнее - языку: навязанная Пилатом мена языков ничего не меняет в понятийном языке Иешуа - меняя языки Иешуа все время говорит на одном и том же; на его ответы никак не влияют также и экстралингвистические суггестии Пилата).

На тождество "Иешуа=язык" есть целый ряд едва ли не прямых указаний:

- готовность Иешуа покл я с т ь с я (443), где существенно не только подтверждение истинности своих слов, но и полная слитность слова и действия, требуемая перформативным актом;

- замечание Пилата о хорошо подвешенном языке Иешуа тут же после замечания о подвешенной на волоске ж и з н и (443), что недвусмысленно ставит знак равенства между языком Иешуа и его жизнью (дополнительно усиленное речевым перформативным актом 'клясться жизнью');

- ответ "Нет, я своим умом дошел до этого" на вопрос Пилата "В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?" (444), который говорит о том, что Иешуа пользуется не чужим и отчужденным словом, а собственным, и что это не столько этническое слово (из греческой книги), сколько ментальное (с более универсальным статусом), тогда как для Пилата это всего лишь частное, этикетарное обращение;<sup>18</sup>

- Пилат страдает от солищепака и гемикрании, поэтому Иешуа неоднократно чувствует себя мучителем Пилата (441: "И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает"). И это не метафора: Пилата мучает г о л о с Иешуа.<sup>19</sup> Полная тождественность Иешуа и его языка так или иначе должна обернуться словом-плотью, физической осязаемостью языка. Колющий голос Иешуа напоминает пару "Пилат - Крысобоу", в которой последний играет роль Пилатова 'языка-наказания', но если и на этом уровне 'язык' отчужден от Пилата (см. II), то в случае Иешуа даже в такой роли ('мучителя') он является неделимым целом.

В отличие от смертоносного 'языка-Крысобоу' (437) колющий "Пилату в висок" (441) голос-язык-Иешуа<sup>20</sup> соотносится с терапевтическим свойством<sup>21</sup> - приступ гемикрании проходит как раз во время его звучания (441). Не трудно заметить, что "голос" говорит на неотчуждаемом от Пилата уровне коммуникации и апеллирует к его личностному началу (красноречивее всего свидетельствует об этом переход Иешуа с обращения "игемон" на обращение "ты"), и что данная терапия состоит в эксплицировании (пробуждении) этого личностного начала, упрятанного под формальными системами и функциями.<sup>22</sup> Если учесть еще внезапную трансформацию Левия Матвея (439) и предполагаемую резкую перемену Крысобоу (444) при непосредственном к ним обращении Иешуа, то станет ясно, что язык Иешуа действителен в непосредственном контакте с личностью и что он знает только одну - и з у с т н у ю - форму общения. Письменная, и этим самым отчужденная, форма его не только искажает (ср. о записях Матвея: "Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил". - 439; ср. еще 443), но и сообщает ему губительный характер (такова роль "другого куска пергамента" с записями Иуды - 445 и след.).

IV. СИСТЕМАТИКА ЯЗЫКОВ. Теперь напомним, что вся эта история рассказывается на особом языке Воладда,<sup>23</sup> который всем остальным сообщает статус языков внутри языка, т.е. более глубоких его уровней (тем более, что они лишены в данном рассказе собственного плана выражения, хотя Воладд и полиглот). Так, например, арамейский соотносится с биографическим и этикетарным уровнем (анкетность вопросов Пилата: сопровождение удара бичом по поводу нежелательного именованья Пилата), латинский - с бехавиоральным (объяснение жеста и движения губ Пилата), греческий - с понятий-

ним, наиболее абстрактным (рассуждения об истине и о понятии "добрый человек").

Всякий очередной шаг вглубь должен вести в данном случае ко все менее отчуждаемым от говорящего субъекта ментальным уровням вплоть до тождества говорящего с его языком и в итоге - к слиянию с реальностью. В этом свете переходы Пилата на паралингвистические (поведенческие) системы коммуникации, с одной стороны, и выходы в ментальные сферы, передаваемые как прорывы смутной мысли и видений, с другой,<sup>24</sup> - закономерность, равно как закономерность является тождество жизни Иешуа с его языком и голосом (даже без учета ассоциаций Иешуа с Христом и отсылок к Прологу Евангелия от Иоанна). С одной только разницей: в случае Пилата такого тождества еще нет - более фундаментальные уровни от него так же, как и более поверхностные, и уравниваются в своих правах, превращаясь в самоценные параллельные системы коммуникации (языки).<sup>25</sup>

Всякий же шаг вовне влечет за собой отчуждение языка от субъекта, усиливает разрыв между интенцией и ее выражением и удаляет от истины, т.е. чреват искажениями, обретающими самодеятельную ценность, что ведет в свою очередь к возникновению ложного (призрачного) и потому опасного мира: тут за языком не стоит ни личность, ни референт, и все что угодно может быть подменено чем угодно. На этом явлении покоится как вся система отчуждений в истории Пилата, так и во всем романе в целом. Такова и логика наказаний и глумлений Воландовой свиты и его самого в московской истории - в первую очередь наказанию подвергаются те, кто нарушает исконное единство личности, языка и мира.<sup>26</sup>

V. БЕЗЯЗЫЧИЕ ИВАНА. Особый статус языка Воланда (см. I) и косвенно языка Иешуа (см. примеч. 23) лучше всего выявляется при помощи Ивана Бездомного. Будучи идеальным слушателем (он, слушая, видит - см. I), он не в состоянии воспроизвести услышанное. Составляемое им заявление в милицию (530 и след.) - не столько воспроизведение, сколько перевод на иной язык (хотя внешне как-будто тоже русский); и канцелярский, и письменный. Язык, которым он пользуется, не передает нужного содержания и навязывает свое. Нужное содержание Иван намеревается передать сопровождающими рисунками, "Но и рисунки не помогли" (531). Разрыв между планом выражения и планом содержания пропадает лишь тогда, когда

Иван переходит на у с т н у ю речь и обретает "благодарного слушателя" (550). Но и это не все: необходимо еще тождество говорящего субъекта с его речью. Иван у Булгакова выполняет и это условие - отождествляется со своим рассказом: "взволнованный успехом своего повествования Иван тихо прыгал на корточках, изображая кота с гривенником возле усов". (550). По сравнению с косноязычием Левия Матвея (744-745) Иван, некогда безъязычный, стал уже носителем универсального языка - он уже в состоянии увидеть во сне продолжение (ни от кого не услышанное) истории Пилата (глава "Казнь"). Но пока еще носителем пассивным. Воздействовать на мир и преобразовать его (по образцу Иешуа) он еще не может, он еще не владеет артикуляцией, еще не в состоянии перевести его в словесную ипостась. На страницах Булгаковского романа эта очереда роль передается Мастеру.

VI. СЛОВО МАСТЕРА. Если рассматривать Мастера как отдельный персонаж, то овладение им универсальным языком остается загадкой, но если видеть в нем именно продолжение Ивана, то загадки нет. Язык Мастера, как и язык Иешуа, будучи личностным языком, адресуется к другой личности, и эта другая личность есть его цель и содержание. Это язык ради и для д р у г о г о. Не зря Маргарита "говорила, что в этом романе ее жизнь". (558). Точно также цель языка Иешуа - возрождение личности другого. В случае Ивана другого еще нет. В случае Мастера их двое: Маргарита и Пилат. Маргарита уже осуществлена в романе Мастера, но Пилат еще нет. Поэтому его роман считается неоконченным. А кончается он одной фразой:

"Мастер [...] сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безлесым горам:

- Свободен! Свободен! Он ждет тебя!

Горы превратили голос Мастера в гром, и этот же гром их разрушил. Проклятые скалистые стены упали". (797).

Но другой не может быть освобожден и возрожден как личность, если в нем нет готовности у с л ы ш а т ь. Иван у с л ы ш а л Воланда и поэтому стал на путь возрождения личности, Берлиоз и многие ему подобные не услышали, и поэтому жестоко наказаны.

## П р и м е ч а н и я

1. В случае многоязычия культуры отдельные этнические языки не параллельны друг другу, а иерархичны и являются своеобразными уровнями сверхязыка (системы) данной культуры.
2. Языковую однородность романа, противостоящую упоминаемой языковой пестроте его внутреннего мира, Гаспаров связывает с принципом структурирования произведения по типу мифа. См.: В.М. ГАСПАРОВ, "Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова 'Мастер и Маргарита'", в: *Slavica Hierosolymitana*, vol. III, Jerusalem 1978, 199.
3. Текст романа цитируется по изданию: М. БУЛГАКОВ, *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*, Москва 1973. Страницы даются в скобках непосредственно в тексте статьи.
4. То же явление имеет место и в случае его национальности, которая в итоге вообще снимается.
5. С тем, что "иностранность" поддерживается на других уровнях романа – на уровне внешнего вида, атрибутов, манеры держать себя.
6. Попутно заметим, что дефектная речь – речь без акцента и поэтому проще: она задерживает внимание на плане выражения, но не акцентирует системы, а диалектная – выдает информацию опять-таки не о системе, а об одном из уровней системы общей для собеседников.
7. Подобным образом снимается с романа Мастера голос читающей Маргариты (см. 714 и 746).
8. Ср., например:
  - Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?
  - Знаю. Греческий.
  - Вспущшее веко приподнялось, подернутый дымкой страдания глаз уставился на арестованного. Другой глаз остался закрытым. Пилат заговорил по-гречески:
  - Так ты собирался разрушить здание храма и призывать к этому народ? (438)
  - [...]
  - Я не спросил тебя, – сказал Пилат, – ты, может быть, знаешь и латинский язык?
  - Да, знаю, – отвечал арестант.
  - Краска выступила на желтоватых щеках Пилата, и он спросил по-латыни:
  - Как ты узнал, что я хотел позвать собаку?
  - Это очень просто, – ответил арестант по-латыни, – ты водил рукой по воздуху, – арестант повторил жест Пилата, – как будто хотел погладить, и губы...
  - Да, – сказал Пилат.
  - Помолчали, потом Пилат задал вопрос по-гречески:
  - Итак, ты врач?
  - Нет, нет, – живо ответил арестант, – поверь мне, я не врач.
  - Ну, хорошо. Если хочешь держать это в тайне, держи. К делу это прямого отношения не имеет. Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить... или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм?

- Я, игефон, никого не призывал к подобным действиям, пов-  
торяю. Разве я похож на слабоумного?

- О да, ты не похож на слабоумного, - тихо ответил проку-  
ратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, - так поклонись,  
что этого не было.

- Чем хочешь ты, чтобы я поклонился? - спросил, очень оживив-  
шись, развязанный.

- Ну, хотя бы жизнью твоею, - ответил прокуратор, - ея кля-  
сться самое время, так как она висит на волоске, знай это!  
(442-443).

9. Вне сцены допроса ни многоязычие Пилата ни язык происходящих  
разговоров нигде уже не отмечаются на уровне повествования.

10. По Иешуа, "злых людей нет на свете" (444), а причиняемое ими  
зло и их черствость и жестокость рассматриваются в категориях  
несчастья. Ср., например, о Крысобою (444):

- А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобою,  
он - добрый?

- Да, - ответил арестант, - он, правда, несчастливый человек.  
С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и  
черств. Интересно бы знать, кто его искалечил?

И это отнюдь не декларация, а сущность Иешуа. Она, кстати,  
проявляется здесь постоянной озабоченностью Иешуа другими:  
допрашивающим Пилатом (441: "И сейчас я невольно являюсь тво-  
им палачом, что меня огорчает"), палачем Крысобою (444),  
предавшим Иудой (447: "-Я вижу, что совершилась какая-то беда  
из-за того что я говорил с этим юншей из Кириафа. У меня,  
игефон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне  
его очень жаль".). Тем временем Пилат "окончательно потерял  
веру в людей" (442), все для него "палачи", "разбойники",  
"грязные предатели", "преступники" (448), им руководит нена-  
висть ("Прокуратор с ненавистью почему-то глядел на секретаря  
и конвой" - 447; "Ненавистный город, - вдруг почему-то про-  
бормотал прокуратор" - 448) и его эгоистическая озабоченность  
о себе (440, 441 и особенно 446: "Мысли понеслись короткие,  
бессвязные и необыкновенные: 'Погиб!' потом: 'Погибли!..')".

Заметим при этом, что в случае выражения Иешуа "добрый че-  
ловек" определение "добрый" являет собой безальтернативный,  
так называемый постоянный эпитет, что ставит знак равенства  
между "добрый" и "человек". В случае же Пилата имеет место не-  
престанный взаимоперевод, выражающийся серией переименований.  
И здесь, таким образом, Пилат многоязычен (на уровне плана вы-  
ражения), тогда как Иешуа все время одноязычен (на уровне и  
плана выражения, и плана содержания, и плана референта, что  
сообщает его языку нерасторжимость с действительностью и этим  
самым гарантирует его истинность).

11. См. 436-438 (разрядка моя - Е.Ф.):

Человек со связанными руками несколько подался вперед и на-  
чал говорить:

- Добрый человек! Поверь мне...

Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая  
голоса, тут же перебил его:

- Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В  
Ериалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это  
совершенно верно, - и так же монотонно прибавил: - кентуриона  
Крысобою ко мне.

[...]

Прокуратор обратился к кентуриону по-латыни:

- Преступник называет меня "добрый человек". Выведите его отсюда на минуту, о б ъ я с н и т е ему, как надо разговаривать со мной. Н о н е к а л е ч и т ь .

[...]

[...] Движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбегала с его лица и глаза обесмыслились. Марк одной левой рукой, легко, как пустой мешок, вздернул на воздух упавшего, поставил его на ноги и заговорил гнусаво, плохо выговаривая арамейские слова:

- Римского прокуратора называть - игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Т ы п о н я л меня или у д а р и т ь тебя?

[...]

- Я понял тебя. Н е б е й меня.

12. Возможно, что Крысобо́й как своеобразный 'переводчик-обучитель' - еще один вариант переводчика-Коровьева и помощника Аффания Толмая (=толмача, т.е. объяснителя-переводчика). Об эквиваленции последней пары см. в ук. статье М.ГАСПАРОВА.

13. См. 446 (разрядка моя - Е.Ф.):

[...] Отвечай! Говорил?... Или... н е ... говорил? - Пилат про т я н у л слово "не" несколько больше, чем это предполагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

Заметим, что языку у Пилата имеется альтернатива, но что мена языка предполагает и мену содержания. С другой, языку свойственно выражать иное содержание, чем в нем заложенное, т.е. при помощи языка можно лгать, или говорить нечто не имеющее соответствия в личности говорящего.

14. См. 446 (разрядка моя - Е.Ф.):

Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он позволил себе п о д н я т ь р у к у , как бы заслоняясь от солнечного луча, и за этой рукой, как за щитом, п о с л а т ь арестанту какой-то н а м е к а ю щ и й в з о р .

Здесь опять налицо коммуникация, стремящаяся миновать язык. Кроме того и "язык поведения" Пилата оказывается не его собственным, а регламентированным внешним ("Никто не знает, ч т о с л у ч и л о с ь с прокуратором Иудеи, н о о н п о з - в о л и л с е б е").

15. См. 444: "- В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?", где просматривается механизм оправдания путем ссылки на чужое слово, переброса вины на иного, и отказа от собственного слова.

16. См. 441:

- Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

И тут прокуратор подумал: "О, боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне больше...".

17. См. 446:

- Правду говорить легко и приятно, - заметил арестант.

[...]

- Дело было так, - охотно начал рассказывать арестант [...]

18. См. примечания 10 и 15. См. еще 444:

- А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова "добрые люди"? Ты всех, что ли, так называешь?

- Всех, - ответил арестант, - злых людей нет на свете.

- Впервые слышу об этом, - сказал Пилат, усмехнувшись, - но, может быть, я мало знаю жизни! [...] - В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?

- Нет, я своим умом дошел до этого.

В данном случае важно еще отметить эквиваленцию понятия 'добрый человек' - 'жизнь' - 'ум' и то, что "жизнь" локализуется Пилатом во внешней сфере, тогда как у Иешуа она локализована в нем самом ("своим умом дошел до этого.") и в человеке, что следует из эквиваленции синтаксической позиции слова "жизнь" во фразе Пилата и слова "своим умом" в ответе Иешуа (где еще дополнительно "ум" противопоставляется "книге", из-за наличия отрицания "Нет").

19. См. 440-441 (разрядка моя - Е.Ф.):

- Да, Левий Матвей - донесся до него в ы с о к и й , м у ч а ю щ и й е г о г о л о с .

- А вот что ты все-таки говорил про храм толпе на базаре?

Г о л о с отвечающего, казалось, к о л о л Пилату в висок, был невыразимо м у ч и т е л е н , и этот г о л о с говорил:

- Я, ижемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее.

20. См. 441: "И вновь он услышал г о л о с" (разр. моя - Е.Ф.), где голос - переименование Иешуа и где сняты указания на язык, на котором идет этот разговор.

21. Ср. мотив укола вообще в романе (и особенно в финале) - от "тупой иглы, засавшей" в сердце Верлиова в момент появления Воланда (424) по "исколотую память" Ивана (812).

22. Здесь уместно обратить внимание на постепенное вхождение в текст романа слова "человек", противопоставляющее "гражданину" и названиям функций, псевдонимов и т.п. О роли этой оппозиции в романе частично уже говорилось в моем *Введении в литературу-поведение*, часть II, Katowice 1980 и часть III, Katowice 1980.

23. Воландов рассказ о Понтии Пилате совпадает с соответствующей главой романа Мастера. Роман Мастера был потом прочитан Иешуа, и важно, что он не опротестовывает сочинения Мастера (как он опротестовывал записи Левия Матвея) и этим самым подтверждает истинность рассказа Воланда, что подсказывает если не тождество, то родство языка Воланда и языка Иешуа.

24. Ср. хотя бы на стр. 445: "померещилось ему", "Пилату показалось", "И со слухом совершилось что-то странное - как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы"; 452: "Но не эта мысль поразила сейчас Пилата. Все та же непонятная тоска, что уже приходила на балконе, пронизала все его существо. Он тотчас постарался ее объяснить, и объяснение было странное: показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал". и т.п.

25. Ср. раздвоение систем в разговоре с Каифой (451): "Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ

вызывает его изумление.

Пилат это и сделал с большим искусством".; 452: "Темные глаза первосвященника блеснули, и, не хуже, чем ранее прокуратор, он выразил на своем лице удивление". См. также разговор с Афранием по поводу убийства-спасения Иуды.

26. На связь романа *Мастер и Маргарита* с Данте указывается в: И.Ф.БЭЛЗА, "Генеалогия 'Мастера и Маргариты'", в: *Контекст 1978. Литературно-теоретические исследования*, Москва 1978. Но эта связь раскроет свой глубокий смысл, видимо, в том случае, если будет учтена та этическая система дантовских наказаний, которая раскрыта в работе: J.M.LOTMAN, "Wędrowka Ulissesa w 'Boskiej Komedii' Dantego", in: *Pamiętnik Literacki* 1980, z. 4, 127-138.